

«ОПЕРАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ИРАНЕ «СОГЛАСИЕ». АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 1941 г.»

Оришев Александр Борисович –
заведующий кафедрой истории,
доцент ФГБОУ ВО «Российский
государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А.Тимирязева», д.и.н.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Перед правителем Ирана Реза-шахом Пехлеви встала задача, от решения которой зависела дальнейшая судьба Ирана: вступить в войну на стороне одной из воюющих сторон или же занять нейтральную позицию.

Между тем, в Берлине рассчитывали на активное участие Ирана в войне против СССР. В гитлеровских планах этому государству отводилась роль ударной силы фашистского блока на южном направлении. Высокомерно отказывая Реза-шаху в способности проводить самостоятельную политику и не сомневаясь в том, что иранский лидер перенесет сотрудничество с «третьим рейхом» из экономической в военную сферу, 25 июня 1941 г. Берлин нотой потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии. Активное участие Германии в индустриализации Ирана, прогерманские настроения иранских офицеров, впечатляющие успехи вермахта на первом этапе Второй мировой войны, казалось, служили серьезными предпосылками для подключения Ирана к блоку фашистских государств.

Реза-шах, однако, рассудил иначе. Он посчитал благоразумным не участвовать в гитлеровской авантюре, и 26 июня 1941 г. иранское правительство заявило о приверженности политике нейтралитета. Ещё через несколько дней состоялось заседание высшего военного совета, на котором только 16 присутствовавших высказались за вступление в войну на стороне немцев, а 24 – выступили против.

На требования Гитлера вступить в войну в Иране ответили тем, что местные газеты стали активно публиковать материалы, поступавшие из фашистских государств. Характер этих многочисленных публикаций был таков, что у читателей создавалось впечатление исключительных успехов немецкой армии, что, надо признать, было недалеко от истины. Отдел иностранной хроники иранской прессы в среднем на 60% заполнялся антисоветскими материалами, а журнал «Эттелаате Хафтаги», который систематически публиковал сводки военных действий

с советско-германского фронта, составлял их преимущественно по немецким источникам.

Хотя Иран и не вступил в войну, но мало кто в этой стране верил в победу антигитлеровской коалиции, а стремительное продвижение германских войск по советской территории убеждало иранцев в непобедимости Германии. Иранцы не могли не считаться с нараставшим военным перевесом стран «оси», к тому же они ненавидели англичан - своих традиционных противников, и хотели с помощью Германии избавиться от британского господства. К сталинскому же режиму правящие круги в Иране испытывали недоверие, и известие о германской агрессии восприняли с радостью. В одном из донесений советского разведчика «Федота» отмечалось: *«имуций класс персов обрадован, что избавлен от неприятности большевистского нашествия и хищнического грабежа, и надеется, что “с божьей помощью” германцы положат конец большевистскому существованию... персы, работающие на германцев, и вообще персы - люди с улицы и мещанские массы ликуют, предвидя новые молниеносные победы германцев над большевиками. Больше всех ликуют турки, в особенности эмигранты с Кавказа».*

С другой стороны, после 22 июня серьезное беспокойство усилением германских позиций в Иране стали высказывать ставшие союзниками Англия и СССР. Так, Лондону теперь надо было считаться с опасностью, что германские войска к зиме продвинутся к Кавказу и, развернув наступление в Северной Африке, ликвидируют очаг сопротивления англичан на Среднем Востоке. Захватив Иран, а затем и Афганистан, Германия приобрела бы выгоднейший плацдарм для наступления на «жемчужину Британской короны» - Индию.

Что касается советского руководства, то активизировать свою политику в Иране его заставило то обстоятельство, что эта страна могла стать единственным путём подвоза военной помощи СССР по ленд-лизу. Тогда еще не существовало железной дороги, связывавшей Мурманск – незамерзающий порт на Баренцевом море с центральной частью Советского Союза. В Иране же имелась Трансиранская железная дорога, по которой предполагалось доставлять вооружения. Именно эти соображения толкнули И.В.Сталина поставить иранцам ультиматум. Уже 26 июня 1941 г. Иран получил первую ноту протеста от правительства Советского Союза, где иранскому шаху сообщалось об активной подрывной деятельности немцев в Иране.

Позиции СССР и Великобритании относительно требований, предъявляемых Ирану, были различны. Так, Советский Союз рассчитывал получить от Ирана право на транспортировку войск и военных материалов через его территорию. Англичане же хотели только укрепить свои коммуникации на Среднем Востоке. И, тем не менее, имея различные мотивы, союзники по антигитлеровской коалиции выступили единым

фронтом. В этой ситуации Иран не мог быть не втянут в войну, и присутствие в нем немцев послужило подходящим предлогом.

8 июля 1941 г. вопрос об Иране был затронут в беседе И.В.Сталина с британским послом в Москве С.Криппсом. Советский лидер обратил внимание посла на большое скопление немцев в Иране и Афганистане, заметив, что они *«будут вредить и Англии, и СССР»*.

Некоторые историки склонны считать, что, принимая решение о вводе войск в Иран, И.В.Сталин исходил из расчёта не отдать эту страну полностью в руки англичан. Более того, появилась версия, что в августе 1941 г. вождь вынашивал планы отторжения от Ирана его северных провинций. Вряд ли можно с этим согласиться. В августе 1941 г., когда германские войска рвались к столице СССР, советским лидерам было не до территориальных приобретений и мыслей о послевоенном устройстве мира вообще и Средневосточного региона в частности.

12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии», а 19 июля У.Черчилль передал правительству Советского Союза предложение осуществить ввод войск в Иран. Москва ответила согласием. В этот же день дипломатические представители СССР и Великобритании в Тегеране вручили иранскому правительству ноты, в которых был поставлен вопрос о прекращении враждебной деятельности немцев и высылке их из страны.

13 августа министр иностранных дел Великобритании А.Иден и советский посол в Лондоне И.Майский согласовали тексты новых нот иранскому правительству. У.Черчилль писал по этому поводу: *«Этот дипломатический шаг должен был явиться нашим последним словом. Майский заявил министру иностранных дел, что после представления меморандумов советское правительство будет готово предпринять военные действия, но оно сделает это лишь вместе с нами»*.

Получив от своей агентуры информацию о том, что союзники готовятся применить силу, Реза-шах 9 июля отдал приказ привести войска в боевую готовность. Охрана границы усилилась полевыми войсками, в приграничных районах личный состав жандармерии увеличился в два раза, а гарнизоны Горгана, Кучана, Буджнурда, Мешхеда получили новое оружие.

15 августа Реза-шах отдал приказ начать всеобщую мобилизацию. В этот же день «Эттелаат» напечатала передовую под заглавием «Образец патриотизма», начинавшуюся со слов: *«Единственное, что украшает человеческую жизнь – это самопожертвование»*. Безусловно, это был намёк союзникам, что Иран намерен сопротивляться, и в случае агрессии не только иранская армия, но и весь иранский народ окажут иностранным войскам самое ожесточенное сопротивление.

20 августа, на два месяца раньше обычного, состоялся выпуск юнкеров военных школ и училищ, в числе которых находился один

из сыновей шаха Али Реза. Обращаясь к выпускникам, Реза-шах, используя все известные ему приёмы риторики, призвал их быть готовыми к защите отечества. В эти же самые дни по всему Тегерану были расклеены объявления о наборе в авиационные школы, а военно-санитарное управление поместило в газетах объявление о приёме на службу фельдшеров и медицинских сестер. Естественно, что этот набор мог понадобиться лишь в том случае, если бы Иран вступил в войну.

В этой ситуации германское руководство делало всё возможное, чтобы склонить иранское правительство к сопротивлению союзникам. В записке от 22 августа 1941 г. по вопросу о продолжении операций на советско-германском фронте Гитлер указывал: *«Из соображений политического характера крайне необходимо как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть, не только для того, чтобы лишить её нефти, а прежде всего для того, чтобы дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан».*

И всё же, несмотря на обещанную поддержку, Реза-шах решил не доводить дело до военного конфликта с Англией и СССР. Вечером 23 августа Реза-шах передал английскому посланнику, что принимает главное требование союзников о высылке германских подданных из Ирана. Но это уже ничего не могло изменить. Накануне, 22 августа, руководство Главного политического управления Красной Армии распорядилось подготовить «Обращение советского командования к иранскому народу», а ГКО издал приказ, по которому части войск Среднеазиатского и Закавказского военных округов стали готовиться к переходу советско-иранской границы и вступлению в пределы Ирана.

Советские и английские войска в Иране

Развязка наступила 25 августа 1941 г., когда в 4 часа 30 мин. советский посол в Тегеране А.С.Черных и английский посланник Р.Буллард вручили премьер-министру Ирана новые ноты своих правительств, извещавшие его о вводе союзных войск в Иран.

Нельзя не отметить того факта, что правовая база ввода войск у СССР и Великобритании существенно различалась. Если Советский Союз ввёл свои войска в Иран, ссылаясь на статью 6 советско-иранского договора от 26 февраля 1921 г., позволявшую проводить такие акции, то у британского руководства столь убедительных аргументов не нашлось. В отличие от СССР, у Великобритании не было никакого договора или соглашения с Ираном, дававшего ей право вводить войска. Уже после завершения акции в стенах советского МИД родилась мысль написать документальную книгу «Правда о событиях в Иране». Однако эта идея,

не успев появиться на свет, сразу канула в лету. На докладной записке заведующего Средневосточным отделом МИД С.Кавтарадзе, в которой шла речь о создании редакционной комиссии для издания книги, рукой заместителя министра иностранных дел В.Деканозова было написано: *«Нужно ли? Сомневаюсь»*. Тем самым **августовские события стали ещё одним белым пятном в истории советско-иранских отношений и Второй мировой войны.**

25 августа 1941 г. в Северный Иран со стороны Закавказья вступили войска 44-й и 47-й армий Закавказского фронта, а 27 августа со стороны Средней Азии войска 53-й Отдельной армии Среднеазиатского военного округа. С юга на Иран наступление начали 9-я танковая и 21-я пехотная индийские бригады, к которым присоединились 5-я и 6-я индийские дивизии.

Армия Ирана серьёзного отпора войскам союзников дать не смогла. Орудийный обстрел советских судов, подошедших ранним утром 25 августа к иранскому берегу, был подавлен тремя залпами с военных кораблей. Правда, во время десантирования красноармейцев на берег 12 бомбардировщиков пытались нанести удар по кораблям. Но, сбросив первые шесть бомб, не причинивших серьёзного ущерба судам, самолёты скрылись в направлении Баку. Только за первые два часа операции частями Красной Армии были ликвидированы 121 пограничный пост, 16 ротных гарнизонов, 8 резиденций погранкомиссаров, 16 резиденций их помощников, 13 жандармских и полицейских управлений, 5 постов по охране железнодорожных и шоссежных мостов на реке Аракс.

Согласно донесениям командиров советских воинских частей, иранские войска повсюду избегали соприкосновения с Красной Армией. 25 августа они без боя оставили г. Ардебиль, и только арьергардные части 15-й иранской пехотной дивизии оказали сопротивление на перевалах Саин-Гядук и Балыхлы. Как отмечалось в докладе о боевой деятельности 24-го танкового полка, *«вход танков в Ардебиль был настолько неожиданным, что некоторые официальные лица, в частности, жандармское управление работали нормально»*, т.е. иранская армия и местные власти были захвачены врасплох.

29 августа, преодолев небольшое сопротивление противника, Красная Армия заняла г. Урмию. В этот же день после короткой перестрелки сдался гарнизон Пехлеви, а затем капитулировали иранские воинские части, дислоцировавшиеся в Реште.

Подвозя материалы и личный состав из Резайе, иранцы в течение четырёх дней укрепляли Кушинский перевал. Казалось, что наступающие советские войска ждут здесь серьёзные испытания. Однако при первом же столкновении с красноармейцами оборонявшие перевал иранские солдаты и офицеры покинули позиции. *«10-я горганская дивизия просто-напросто разбежалась, побросав оружие и снаряжение. Более организованно вела*

себя 9-я мейхедская. Один из её батальонов на маршруте Серахс - Мейхед, судя по всему, намеревался оказать сопротивление. Но уже 29 августа заместитель командира этой дивизии прибыл в Новый Кучан для переговоров с командиром нашей 83-й горнострелковой дивизии А.А.Лучинским», - вспоминал бывший начальник штаба 53-й отдельной Среднеазиатской армии М.И.Казаков.

Слова советского военачальника достаточно точно передавали сложившуюся обстановку. Представленная им картина наблюдалась повсеместно. «Обнаруженные десять одномоторных иранских самолётов на аэродроме Тебриза не пытались завязать бой не только с советской боевой авиацией, но и с самолётами, летавшими в одиночку...», - было отмечено в отчёте о боевых действиях ВВС Закавказского фронта. «За весь период операции ВВС противника в воздухе противодействия не оказали и по аэродромам Закавказья не действовали. В 6.20. 25 августа 1941 г. пять самолётов противника с большой высоты (точно не установленной) произвели бомбометание по мосту через реку Аракс у Джульфы. В 19.15. 25 августа 1941 г. три самолёта противника с высоты 2500 м произвели бомбометание по тому же мосту. В обоих случаях мост не пострадал», - говорилось в этом же документе.

Сын Реза-шаха, наследный принц Мухаммед Реза в своих воспоминаниях следующим образом оценивал те события: «Иранская армия была застигнута врасплох, и наши солдаты подверглись бомбардировке в то время, когда они были в своих казармах. Наш небольшой военно-морской флот без предупреждения был потоплен, при этом были большие жертвы. [...] Если не считать нескольких небольших стычек, сопротивление иранской армии было совершенно безрезультатным. После того как закончился первый этап нападения, наши войска осознали, что сопротивление такому сильному противнику бесполезно».

На самом же деле у иранцев были возможности для организации сопротивления. Иранские военачальники не использовали особенности ландшафта своей страны, создававшие выгодные условия для обороняющихся. Например, советско-иранский театр военных действий вследствие пересечённости местности горными хребтами и большого его превышения – до 3000 м над уровнем моря, - являлся достаточно трудным для полётов боевой и разведывательной авиации. Резко снижал эффект бомбардировок меняющийся рельеф местности. Редкое расположение наземных пунктов, отсутствие заметных ориентиров затрудняло установление точного местоположения противника и осложняло ориентировку в воздухе. Высокие горы вынуждали производить полёты на относительно большой высоте, чем затруднялась визуальная разведка войск в ущельях и горных серпантинах.

Нельзя не сказать и о том, что в августе 1941 г. Красная Армия ещё не представляла собой той мощной силы, какой она стала в последующие годы. Командиры плохо знали театр военных действий и объекты противника, у них не хватало карт, накануне операции недостаточно тщательно была проведена рекогносцировка местности, вследствие чего разведанные зачастую не соответствовали действительности. Из-за неудовлетворительной работы тыла случались перебои в обеспечении войск продовольствием и питьевой водой. Не было отлажено взаимодействие между отдельными частями, отсутствовала постоянная связь между войсками и авиацией.

И тем не менее, Красная Армия даже в таком состоянии прошла триумфальным маршем по иранской территории. В результате соотношение потерь только при ликвидации иранских пограничных постов приближалось 1:10, что говорило о безоговорочном преимуществе Красной Армии. В ходе иранской операции советские пограничники потеряли пять человек убитыми и пять ранеными. Потери же иранских погранпостов составили 48 убитыми и 22 ранеными. Кроме того, 256 солдат и офицеров из иранских погранпостов были взяты в плен.

Аналогичным образом события развивались на юге. Наступавшие здесь англичане уничтожили небольшой иранский флот, базировавшийся в портах Персидского залива. В ходе массированных бомбардировок погиб командующий военно-морскими силами Ирана адмирал Беандор. Абаданский нефтеочистительный завод был занят английской пехотной бригадой, погрузившейся на суда в Басре и на рассвете 25 августа высадившейся в месте своего назначения. Большая часть иранских войск была застигнута врасплох, но сумела бежать на грузовиках. Под натиском наступавших британцев иранцы успели только уничтожить линии телефонно-телеграфной связи в районе Абадана и Бендер-Шахпура.

В то же время другие британские части заняли с суши порт Хорремшехр, а одна часть была послана к Ахвазу. Проблемы у англичан могли возникнуть у прохода Пай-Так, который при желании можно было превратить в серьёзное препятствие. Однако этого сделано не было, и 28 августа иранские войска, оборонявшие перевал, выбросили белый флаг. Более или менее сильное сопротивление англичанам было оказано на горном хребте Зибири, когда иранская артиллерия приостановила продвижение английской пехоты. Всего в ходе этой краткосрочной кампании потери англичан составили 22 человека убитыми и 42 ранеными.

Реакция иранцев на акцию, предпринятую Англией и СССР 25 августа, была неоднозначной. Некоторые из них так опасались грабежей и погромов, что прятали в своих подвалах все ценные вещи, вплоть до столов и стульев. Зная о подобных настроениях, союзники с целью пресечения возможных провокаций во всех занятых городах

установили комендантский час: запрещалось хождение по улицам группами и появление на них после 21 часа, закрывались рестораны, столовые, чайханы, разного рода увеселительные заведения, населению отдавался приказ сдать имевшееся у него огнестрельное и даже холодное оружие.

С целью сгладить негативное впечатление от прихода в страну иностранных войск, союзники с первых же дней пребывания в Иране начали мощную пропагандистскую кампанию. Только за время вступления частей Красной Армии в места дислокации было распространено от 15 до 20 млн. листовок на разных языках с текстом обращения советского командования к иранскому народу, в котором разъяснялись цели вступления союзных войск в Иран.

В некоторых городах красноармейцев встречали как освободителей. К примеру, в Тебризе советским войскам вообще был оказан радушный приём: выстроившиеся вдоль улиц жители города радостно приветствовали части Красной Армии. И даже красовавшаяся на некоторых домах фашистская символика не портила впечатления. В Мешхеде, многие проживавшие в нем армяне, изъявили желание добровольно вступить в Красную Армию и отправиться на советско–германский фронт.

Реза-шах Пехлеви: закат звезды диктатора

Возникает закономерный вопрос – а что всё это время делали в Тегеране? Неужели иранское правительство, потеряв все нити руководства армией, бросило ее и собственный народ на произвол судьбы?

В первые часы военной операции союзников Реза–шах, этот некогда всемогущий правитель Ирана, был попросту деморализован и поэтому не был готов принимать соответствующие контрмеры. Он не ожидал столь решительных действий со стороны Англии и СССР. Только этим можно объяснить, что в первые сутки он отдал войскам 14 противоречивых, исключавших друг друга приказов, которые создали неразбериху в частях и растерянность в иранском Генеральном штабе.

27 августа местные газеты опубликовали первую и единственную сводку Генштаба иранской армии, в которой населению сообщалось о ходе сопротивления войскам союзников. В этот же день некоторые газеты поместили на своих страницах правила противовоздушной обороны. Это было, пожалуй, все, что предприняли иранские власти.

Тем временем войска союзников продолжали победоносное шествие по территории Ирана, что и привело к падению правительства Али Мансура. 28 августа новое правительство во главе с видным иранским учёным, профессором Тегеранского университета Али Форуги отдало войскам приказ прекратить сопротивление. Это решение было вынесено на

обсуждение парламента в качестве голосования по вотуму доверия новому правительству и получило среди депутатов единогласную поддержку.

Главным организатором военного сопротивления советским и английским войскам отечественные историки считали Реза-шаха. По их мнению, получив сообщение о вступлении союзных войск в Иран, он приступил к организации активной обороны: к Тегерану была стянута вся иранская авиация, на подступах к городу расставлены пулемёты, а на крышах зданий - орудия зенитной артиллерии. Приводились сведения, что по приказу шаха были подвергнуты репрессиям генералы, прекратившие сопротивление: военного министра А.Нахичевана за отдание приказа о прекращении огня уволили в отставку, а командующего ВВС, также отдавшего подобный приказ, убили.

И всё же эти меры представляются демонстративными, имевшими для Реза-шаха цель сохранить в глазах простых иранцев репутацию защитника иранского суверенитета. Постепенно придя в себя, Реза-шах взял курс на организацию так называемого «пассивного сопротивления», следуя которому монарх отказался взрывать мосты и автострады, остановил мобилизацию частного автотранспорта. Навстречу наступавшим союзникам он не перебросил верные ему резервные войска и не решился обратиться к вождям племён с призывом джихада.

Политика «пассивного сопротивления» заключалась в том, чтобы имитировать боевые действия с Красной Армией и британскими войсками. Нежелание кровопролития и осознание того, что в случае начала широкомасштабных боевых действий будут потеряны результаты реформ, проводимых им все предыдущие годы, вынудило иранского правителя склонить голову перед Англией и СССР.

Однако полностью отказаться от враждебных актов в отношении союзников шах не мог. В августе 1941 г., когда страны «оси» имели заметный военный перевес над антигитлеровской коалицией, Реза-шах считал, что ему рано или поздно придётся объясняться с Гитлером, так как окончательная победа нацистской Германии казалась ему наиболее вероятной. И в этом случае он мог сослаться на то, что в условиях полного превосходства противника иранская армия пыталась оказать какое-то сопротивление союзникам, причём делала это в условиях борьбы на два фронта.

Версию о том, что иранский шах сознательно проводил политику «пассивного сопротивления» подтверждает в своих воспоминаниях генерал Хасан Арфа, бывший в то время начальником штаба вооружённых сил Тегеранского округа: *«С самого начала было ясно, что шах не намеревался организовать реальную оборону и хотел только показать немцам, что Иран был принуждён силой, для того, чтобы в случае победы*

Германии Иран не нес бы ответственности, и с ним не обращались как с вражеской страной».

В урегулировании ситуации Реза-шах активно использовал дипломатические средства. По его приказу иранский посланник в США М.Шайесте прилагал энергичные усилия в надежде склонить американцев поддержать Иран. 22 августа он обратился к госсекретарю К.Хэллу с просьбой повлиять на британцев. Однако Вашингтон предпочёл занять позицию невмешательства. Ответ Ф.Д.Рузвельта на просьбу Реза-шаха о посредничестве между Ираном и союзными державами был весьма неопределённым и выражался лишь в нескольких благочестивых фразах. В обычной своей манере президент США выразил дружественное отношение к Ирану, но уклонился от обсуждения вопроса об участии американцев в разрешении конфликта.

Ища поддержку со стороны соседней Турции, иранское правительство опубликовало в прессе серию статей, в которых не только восхвалялись заслуги Кемаля Ататюрка, но и проводилась мысль об общности интересов Турции и Ирана. Однако все попытки иранского лидера изменить ситуацию с помощью турецкого правительства также оказались безуспешными. Турецкий министр иностранных дел без обиняков заявил иранскому послу в Анкаре, что видит в этом деле мало шансов на успех, ибо, по его мнению, *«вступление союзных войск в Иран имеет чисто стратегический аспект».*

Все эти факты позволяют не согласиться с однозначной оценкой Реза-шаха как «пособника германских фашистов» (именно так на протяжении десятилетий изображали его советские историки). Это опровергается даже гитлеровской пропагандой, которая в самый критический для Реза-шаха момент стала упрекать его в трусости, непоследовательности, продажности и неумении организовать оборону Ирана. Вещавший на персидском языке диктор Берлинского радио язвительно сообщил иранцам, что их лидер бежал в Исфахан и тем самым бросил управление страной.

Не приходится сомневаться в том, что Реза-шах действительно желал блага для своей родины и пытался только воспользоваться помощью Германии, которую та «благосклонно» предлагала в предвоенные годы его стране. Тогда ему казалось, что он действует в интересах промышленного развития Ирана. Не лишним будет вспомнить то, что не только один иранский шах не смог вовремя рассмотреть в лице Гитлера угрозу человечеству. Стремление во всем опираться на собственные силы, подозрительность, гордость за себя как за лидера древнейшего восточного государства были главными чертами его характера. В отличие от многих европейских политиков и общественных деятелей, он никогда не заискивал перед вождём германского фашизма. Шах стал жертвой обстоятельств, являвшихся результатом войны, так как

Иран из-за своего стратегического положения не мог не стать яблоком раздора между воевавшими блоками. Союз Англии и СССР объективно требовал участия Ирана во Второй мировой войне в качестве перевалочной базы для военных поставок.

Тем временем союзники твердо шли к намеченной цели. 29 августа передовые части советских и английских войск вошли в соприкосновение в районе Сенендеджа, а 30 августа представители СССР и Англии вручили иранскому премьер-министру ноты своих правительств. В советской ноте ввод войск объяснялся *«подрывной работой немцев, захвативших командные посты по всему Ирану»*. В ноте также говорилось о том, что СССР и Великобритания согласны прекратить военные действия, но при этом иранское правительство должно выполнить некоторые условия.

В те дни в Тегеране поднялась настоящая паника. Из-за перебоев с горючим было нарушено автобусное сообщение. Многие жители, покинув столицу, стали искать убежища в окрестных деревнях. Причиной такого поведения служила германская пропаганда, внушавшая иранцам, что вступившие на иранскую землю войска союзников развернули невиданные репрессии. В период с 31 августа по 7 сентября в Тегеране не работали промышленные предприятия. Рабочие, заявив директорам фабрик, что *«скоро придут советские и английские войска, и наши деньги пропадут»*, отказались выходить на работу.

1 сентября, в положении, когда войска Англии и СССР демонстрировали безусловное преимущество над иранской армией, Реза-шах, следуя политике «пассивного сопротивления», отдал приказ удовлетворить требования союзников об отводе иранских войск и высылке из страны всех немцев, за исключением сотрудников дипломатической миссии и некоторых технических специалистов, работа которых не имела отношения к средствам связи или военному делу.

8 сентября 1941 г. между союзниками и Ираном было заключено соглашение, определившее дислокацию советских и английских войск на иранской территории, а ещё через два дня иранская дипломатия сделала опрометчивый шаг, дав повод союзникам усилить давление на Иран. Дело в том, что 10 сентября 1941 г. в «Эттелаат» появилась передовая статья прогерманского содержания «Скорбь населения».

Реакция союзников не замедлила себя ждать. У.Черчилль обратился к И.В.Сталину, извещая правительство СССР о своём решении ввести войска в иранскую столицу и о том, что он направил соответствующие инструкции командующему английскими войсками в Иране. Английский премьер-министр просил правительство СССР дать такие же инструкции командующему советскими войсками в Иране. Ответ, естественно, был положительным. Войска союзников начали продвижение к Тегерану, что было изменением их первоначального плана, по которому предполагалось расставить воинские части только вдоль дорог.

К этому времени Реза-шах, осознав крах своей политики «пассивного сопротивления», окончательно определился: чтобы сохранить монархию, есть только один выход – отречься. 15 сентября он снял с себя полномочия главнокомандующего, а 16 сентября в обстановке приближения войск союзников к столице Реза-шах подписал акт отречения, передав престол своему старшему сыну Мухаммеду Реза.

17 сентября Реза-шах выехал в Бендер-Аббас, откуда сел на пароход, отплывший в Бомбей. В Индии он должен был остановиться на несколько дней, а затем выехать через Сингапур в Аргентину. Однако здесь судьба преподнесла бывшему правителю Ирана ещё один сюрприз. По примеру Наполеона его сослали на один из островов, близ африканского континента. Под британской защитой он был отправлен на остров Маврикий, а затем в Южную Африку, где и умер 26 июля 1944 г. в Йоханнесбурге.

Истории было суждено, что в день, когда Реза-шах покинул столицу, в Тегеран вступили советские войска, а на следующий день (18 сентября) - английские. В эти же самые дни из Ирана были высланы дипломатические миссии и советники Германии, Италии, Румынии, Венгрии и Болгарии.

Таким образом, введение в Иран союзных войск укрепило советские и английские позиции на Среднем Востоке и обеспечило поставки в СССР военно-технической помощи. Были сорваны планы Германии по подключению Ирана к блоку фашистских государств. После же подписания 29 января 1942 г. советско-англо-иранского договора о союзе Иран стал одним из участников антигитлеровской коалиции и внес заметный вклад в победу над фашизмом.